

КАК ИСПОЛЬЗОВАТЬ ВИЗУАЛЬНОЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ НАУКИ? (ВСЛЕД ЗА ПИТЕРОМ ГАЛИСОНОМ И ЛОРРЕЙН ДАСТОН)

М. А. Новиков

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия
vokivonmihail@gmail.com

В отличие от визуального как компонента научных практик, исследование научных визуализаций – достаточно молодая, совсем недавно начавшая набирать обороты область эпистемологии. Несмотря на свой «юный» возраст, данная сфера исследований уже успела обогатиться разного рода подходами, концептами и самостоятельными выводами. На наш взгляд, книгу Питера Галисона и Лоррейн Дастон «Объективность» можно рассматривать в качестве труда, который и привносит очевидные новшества в понимание того, как производится знание, в том числе знание о производстве знания, и суммирует все достижения современной эпистемологии и истории науки, в первую очередь эпистемологии визуального, или Visual Science and Technology Studies.

Исходя из этого, делается вывод, что, помимо изучения объективности, авторы изобретают новый способ говорения о науке. Визуальное в науке, со всеми возможными способами его практиковать, позволяет авторам, так или иначе двигающимся в русле прагматических подходов, избежать экстерналистских вариантов объяснений производства знания. Это достигается благодаря тому, что исследователи рассматривают не какие-то локальные визуализации, но работают с целыми ассамбляжами образов, исходя из предпосылки, что визуальное – неотчуждаемая часть науки.

Чтобы разобраться с тем, что из себя представляет «Объективность», невозможно не обратиться к работам, которые также исследуют визуальное. Оказалось важным продемонстрировать, что современные исследования зачастую проводятся на стыке разных дисциплин, причем предполагается, что строгие дисциплинарные различия для данных исследований столь же реальны, как и пасторальные идеалы. Возвращая статус отчужденным научным компонентам, подобные подходы демонстрируют, что наука отнюдь не сводится к каким-то исключительно априорным или трансцендентальным пропозициям. Напротив, подтверждается, что наука делается здесь и сейчас и невероятно близка к нам, а это значит, что нельзя просто так пройти мимо любого из практикуемых ею элементов.

Ключевые слова: «Объективность», визуальное, эпистемология, образ, самость, VSTS.

HOW TO USE THE VISUAL IN SCIENTIFIC STUDIES? (FOLLOWING PETER GALISON AND LORRAINE DASTON)

Mikhail A. Novikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
vokivonmihail@gmail.com

Unlike the visual as a component of scientific practices, the study of scientific visualizations is a young field of epistemology that has only recently begun to gain momentum. Despite its “young” age, this field of research has already been enriched by all kinds of approaches, concepts, and independent conclusions. In my opinion, Peter Galison and Lorraine Daston’s book *Objectivity* can be considered as a work which, besides bringing obvious innovations in understanding how knowledge is produced, including knowledge about knowledge production, summarizes all achievements of modern epistemology and history of science, first of all, epistemology of the visual or VSTS (Visual Science and Technology Studies). From this it can be inferred that, among other things, in addition to the study of objectivity, the authors are inventing a new way of speaking about science. The visual in science, with all the possible ways of practicing it, allows the authors, moving in one way or another in the direction of pragmatic approaches, to avoid externalistic versions of explanations of knowledge production. This is achieved by the fact that the researchers do not look at some local visualizations, but work with whole assemblages of images, based on the premise that the visual is an inalienable part of science. In order to understand what *Objectivity* is, one must refer to works that also investigate the visual. It turned out to be important to demonstrate that contemporary research often takes place at the junction of different disciplines, with the assumption that strict disciplinary distinctions for this research are as real as pastoral ideals. By reclaiming the status of alienated scientific components, such approaches demonstrate that science is by no means reducible to some exclusively a priori or transcendental propositions. On the contrary, it confirms that science is done here and now, and is incredibly close to us, which means that one cannot simply pass by any of the elements it practices.

Keywords: objectivity, visual, epistemology, image, self, VSTS.

DOI 10.23951/2312-7899-2021-4-117-130

Эпистемологические или же исторические исследования науки, связанные с наблюдением, взглядом, образами (смоделированными с помощью компьютера, или рукотворными), в том или ином виде обращающиеся к научному визуальному опыту, расчерчивают поле

уникальных нарративов. Как замечает Питер Галисон, «изображения – диаграммы, рисунки, камеры, анатомические пластинки, астрофотографии, мультфильмы и другие элементы визуальной культуры являются неизбежной частью науки, не сводимой лишь к одним пропозициям» [Galison 2014, 204]. Непропозициональные формы науки стали занимать исследователей не так давно, можно сказать, что это происходило в рамках развития прагматических и конструктивистских подходов. На первый взгляд может показаться, что подобные жесты в каком-то смысле антинаучны и задуманы лишь с целью релятивизации и деконструкции разного рода фундаментальных научных представлений и концептов, будь то «объективность», «рациональность» и так далее, ведь к знанию обращаются не напрямую, а через его практики, артефакты [Столярова 2009, 164]. Более того, внутри самих научных процессов отношение к визуальному не может похвастаться однозначностью. Визуальное может выступать в качестве надежного источника, образца или по крайней мере подспорья либо же отвергаться за свою чрезмерную субъективность, идеализацию, непропозициональность. Скажем так, визуальное измерение науки не представляет из себя тихую гладь, напротив, это достаточно активная среда, и если речь заходит о научных конфликтах или даже войнах, то визуальное занимает в них не последнее место.

В этом смысле очень показательным то, что Б. Латур говорит об «иконоклаше». Для него иконоклав – как ненависть к изображению, так и, напротив, чувство необходимости последнего¹ [Latour, Weibel 2002]. Ведь даже тогда, когда образы ценятся, два разных режима изображения могут вступить в ожесточенную схватку. Например, конфликт двух нейробиологов К. Гольджи и С. Кахалья, как показывают П. Галисон и Л. Дастон, произошел именно на почве визуального: «Кахаль полагал, что сделанные Гольджи рисунки и описания головного мозга, мозжечка, спинного мозга и гиппокампа совершенно не способны объяснить надлежащим образом механизмы, которые Кахаль с таким трудом получил посредством хромата серебра. Гольджи, в свою очередь, в своем атласе 1885 года заявил, что его изображения были подготовлены в точном соответствии с природой» [Галисон, Дастон 2018, 185]. Учитывая возможность

---

¹ Более точно Б. Латур выделяет [Latour 2002] следующие типы иконоклаша: люди против любых образов; люди против «отвердевших» образов, то есть образов, которые предпочитают другим образам в силу сложившихся культурных обстоятельств; люди не против изображений, кроме изображений их оппонентов; люди, которые невольно разрушают изображения; люди, которые высмеивают и иконоборцев, и иконофилов. Для краткости в тексте данная типология сведена к простому бинарному противопоставлению.

подобного рода конфликтов, кажется, что обращение к визуальным научным практикам в качестве способа исследования науки тем более дерзко, поскольку такой подход может восприниматься как попытка объяснять науку на (в некотором роде) чуждой, вытесняемой и проблематичной для самой науки почве.

Тем не менее в проекте П. Галисона и Л. Дастон «Объективность», который, надо сказать, является суммой их предшествующих совместных и индивидуальных разработок [Galison, Daston 1992; Galison 1997], авторы обращаются к, казалось бы, побочным «эффектам» науки, а именно к образам, циркулирующим в научных атласах. Несомненно, основная задача, стоящая перед авторами, – рассказать о том, что из себя представляет объективность, вычленив ее эпистемологические компоненты. Забегая вперед, объективность – не нечто данное или найденное в порядке вещей, и уж тем более не свойство какого-либо порядка (например, порядка природы или даже знания). Предполагается, что об объективности можно говорить не как о чем-то «найденном», а как о «сделанном» [Рорти 1997], и, соответственно, проследить историю этого делания, прибегая к практикам научных визуализаций. Нельзя не заметить, что подобного рода исследование вызвало некоторую опаску со стороны прочих исследователей науки. Так, Лоррейн Дастон говорит: «Я думаю, что для многих наших коллег в то время было сложно принять мысль о том, что объективность сама по себе может иметь историю. В середине 1990-х гг. это понималось как утверждение, что объективности не существует, ведь “историзировать” означало “разоблачать”. Именно так была воспринята наша первая статья, посвященная объективности. Я думаю, это стало еще одним из стимулов нашего проекта, мы хотели написать историю, которая была бы радикальной в том смысле, что мы берем за основу самоочевидные практику и понятие, но при этом не даем им в этой самоочевидности испариться. Мы рассматривали эту историю не только как историю объективности, историю визуальных практик и атласов, но и как пример радикального историзма, который при этом не был бы историей разоблачения» [Плешков, Сурман 2021]. То есть для исследователей практики изображения совершенно не являются чем-то, что может разоблачить науку, напротив, они могут предоставить некоторую более детальную картину исследуемого предмета. Естественно, авторы намекают на то, что историю «объективности» можно было бы написать по-разному: с одной стороны, само по себе притязание на создание универсального нарратива слабо допустимо в рамках современных подходов

к изучению науки; с другой – помимо визуальных объектов есть большое количество инструментов и подходов, соответствующих эпистемологическим обстоятельствам объективности: «Изготовление изображений – не единственная практика, состоявшая на службе у объективности: целый арсенал других техник, включающий статистический вывод, двойное контрольное клиническое испытание, самопишущие приборы, был задействован, чтобы удерживать субъективность на расстоянии» [Галисон, Дагстон 2018, 36]. Однако именно визуальное оказывается в центре внимания исследователей в качестве основного посредника, проливающего свет на устройство науки. Почему же именно образы оказываются ключом для описания и объяснения столь масштабного эпистемологического события, как объективность, и именно атласы оказываются ее «самоочевидной практикой», учитывая, что объективность – такой научный концепт, который не терпит никаких экстерналистских объяснений?

По признанию самих авторов, далеко не все научные изображения были включены в исследование: «Мы ограничили наше рассмотрение образами из научных атласов по следующим причинам: во-первых, мы хотим показать, как эпистемические добродетели пронизывают научные практики и становятся для них предписаниями; во-вторых, потому что научные атласы занимали центральное положение в научной практике различных дисциплин в разные периоды; и, наконец, в-третьих, потому что научные атласы устанавливали стандарты восприятия и изображения феноменов. Изображения в научных атласах – это образы в действии, и так было на протяжении столетий во всех визуальных науках – от анатомии до физики, от метеорологии до эмбриологии» [Галисон, Дагстон 2018, 56–57]. То есть именно изображения из научных атласов обладают некоторыми прагматическими чертами. Вне зависимости от эпистемологических сдвигов, говорим мы о научной объективности или технауке [Латур 2013], атлас (а он дошел, пусть и в совершенно ином виде, и до наших дней) – нечто большее, чем сборник репрезентаций и иллюстраций. Важное качество подобного рода компендиумов заключается в их перформативности: изображение может научить ученого видеть определенным образом, оно может оказывать влияние на внутреннюю организацию смотрящего. Это свойство удачно продемонстрировал Ян Хакинг: «Вы учитесь видеть в микроскоп, действуя, а не просто смотря» [Хакинг 1998, 109].

Стоит отметить, что суждение о перформативности можно было бы вынести относительно любого отдельно взятого научного, да

и не только, изображения. Однако научные изображения зачастую появляются именно в атласах, а за счет банальных сложностей, связанных с объемом и дороговизной их производства, жизненный цикл таких сборников оказывается достаточно длительным (через один атлас проходит не одно поколение ученых), следовательно, контрастность эпистемических изменений, заметных, скажем, при сопоставлении двух атласов, обеспечена невозможностью непрерывного производства и обновления образов. Тем самым получается, что атласы удобны для обнаружения эпистемических расхождений, что позволяет реконструировать и отслеживать, какие научные самости соответствуют определенному изображению, какой иной способ видения и отображения практикуется в ту или иную эпоху [Вархотов 2018]. Здесь стоит отметить, что в «Объективности» нет какой-то строгой, векторной истории соответствий образов и эпистемических режимов, напротив, показано, что всегда есть вероятность того, что прошлый способ изображения или способ видения, который, в свою очередь, предполагает соответствующую научную самость, вновь станет востребован в настоящем.

И все же те концептуальные возможности, которые дают образы, еще не могут гарантировать того, что обращение к непропозициональным формам знания не уводит разговор в сторону от науки. Можно предположить, что в «Объективности», помимо основного сюжета, имплицитно преследуется задача доказать, что визуальное – важная область как для самой науки, так и для ее исторических, философских, социологических исследований, дать визуальному возможность оказаться на одном уровне с другими научными практиками, таким образом показать, что наука вообще не состоит из одинаковых элементов. Проблема здесь в том, что достаточно сложно себе представить отдельно взятую теоретическую разработку того, как именно работать с визуальным в науке, ведь речь идет не об описании или создании новой теории человеческого восприятия. Сколько-нибудь строгую теоретическую разработку того, как работать с визуальным, можно было бы ждать от классической эпистемологии, но поскольку исследование обращается к таким объектам, как полотна, снимки, атомно-силовые микроскопы и так далее, становится очевидным, что только разбираясь с конкретными примерами, можно продемонстрировать те возможности, которые дают непропозициональные объекты. Собственно говоря, авторы «Объективности» понимают, что практика создания научных образов может что-то сказать нам о функционировании науки, только если с данными образами обращаться практически, то есть

сплестать их с другими практиками, как оказывается, даже не всегда научными.

По словам Питера Галисона, визуальное некоторым образом выделяется из серии разговоров о локальных практиках: «Здесь и сейчас что-то новое возникает посреди локального: внимание к визуальному как к источнику, ресурсу и способу рассуждения» [Galison 2014, 198]. Речь идет уже не просто о том, что визуализации – часть ученой аргументации; Галисон задается вопросом о том, может ли быть «визуальная функция формой исследования, а не просто популяризацией или иллюстрацией» [Galison 2014, 198]. По его мнению, визуальное слишком долго оставалось в тени, поскольку рассматривалось как неспособное объяснять. В качестве примера Галисон обращается к критической статье марксиста Люсьена Гольдмана, в которой последний упрекает фильм Жана Руша «Хроники одного лета» в том, что картина показывает слишком локальные, частные вещи, которые нельзя вписать в абстрактную, всеобщую структуру. «Я буду утверждать, – пишет, в свою очередь, Галисон, – что визуальная локальность (*visual locality*) расширяет и дополняет текстовую локальность – и как таковая открывает возможности к порождению визуальной науки, которая предлагает именно то, что не нравилось Гольдману, плотную, неожиданную непосредственность, предлагающую новые формы контекста» [Galison 2014, 199].

Визуальное, в частности кино, может не только быть источником понимания практик производства знания, но и являться вариантом эпистемологии: «Фильм может запечатлеть одновременность реакций в групповом снимке, масштаб и охват мира. Фильм как временной медиум передает длительность рабочих процессов, позволяет показать одновременность образа и действия и может смешивать аргументы и аффекты. Возвращаясь к анахронизму Гольдмана, который утверждает, что фильм невозможен в качестве знания из-за своей локальности и концептуальной недостаточности, можно вспомнить Канта, чья “Критика чистого разума” как раз и была посвящена фундаментальной связи между созерцанием (*intuition / perception*) и рассудком (*understanding*): мысли без содержания – пусты, созерцания без понятий – слепы. Рассудок ничего не может созерцать, а чувства ничего не могут мыслить. Только из соединения их может возникнуть знание» [Galison 2014, 203].

Очевидно, что внимание к исследованию визуального тесно переплетено с «прагматическим поворотом», который, отдаляясь от пропозиционального построения истории науки, в том или ином виде расслаивающий науку на серии и ассамбляжи практик,

населяющий ее доселе невидимыми участниками, приходит к выводу, что количество наук может сводиться к количеству способов ее практиковать. И тем не менее это не тот вариант прагматической эпистемологии, который задерживается исключительно на локальных результатах, добываемых из локальных сюжетов. Важное отличие «Объективности» заключается в том, что эта эпистемология ориентирована на расширение исследуемого поля, привлечение дополнительных контекстов. Если представить себе исследование кругов, расходящихся по воде, то основной вопрос, который задавала бы к этому событию интересующая нас эпистемология, был бы не о причине того, почему данное событие (круги расходятся по воде) происходит, а как далеко оно простирается. «Что такое научный метод? Совпадает ли он с экспериментальным методом? Вопрос поставлен неправильно. Почему у науки должен существовать только один метод? Имеется несколько способов строить дома и даже выращивать помидоры. Мы не должны ожидать, что такая многосторонняя вещь, как рост знания, может быть сведена к единственной методологии» [Хакинг 1998, 86]. Речь идет о том, что невозможно понять науку, не задействовав всевозможные, порой кажущиеся вторичными, контексты, выяснить, почему же, несмотря на все разночтения и многообразия, наука (науки) – столь устойчивое предприятие. «Создание образов – одна из древнейших практик познания. Соответственно, устойчивые практики – это то, что позволяет нам видеть перемены в эпистемических добродетелях без их радикальной релятивизации» [Плешков, Сурман 2021]. Подчеркивается, что визуальное – не просто важный компонент науки, но и один из надежных источников для ее изучения на фоне постоянно меняющихся институциональных тенденций. В том или ином виде образы продолжают практиковаться, и даже если исчезают на какое-то время полностью, то тем не менее и через исчезновение можно проследить эпистемические изменения, как в случае структурной объективности [Галисон, Дастон 2018, 365]². Парадоксально,

² Отсутствие изображения заслуживает отдельного внимания. Есть и другие случаи, когда исследователи визуального обращают внимание не на то, что изображено, а на то, что не изображено, то есть на отсутствие образа. Подобное можно обнаружить в уже упомянутом «Иконоклаше» или в исследовании «Visible empire» Даниелы Блейхмар. Прекрасное рассуждение о видимом и невидимом присутствует в следующем фрагменте: «Видимость и невидимость тесно связаны, и акварель Хуана Равенета “Вид на Мехико” напоминает нам об этом. Морской офицер, изображенный на этой работе, использует подзорную трубу, чтобы увидеть больше – прибор позволяет ему разглядывать Мехико на далеком расстоянии, но также и чтобы увидеть меньше – этот увеличенный и сфокусированный вид исключает из его поля зрения окружающий ландшафт и людей, которые его населяют. Как символ экспедиции человек на этой картине подчеркивает отношения между путешествием и наблюдением, видением и транспортировкой, как и использование визуальной эпистемологии для преодоле-

но практика изображать вещи в некотором смысле устойчивее, чем научные тенденции: характеристика изображения и изображаемых объектов, безусловно, меняется, появляются и уходят разные техники, но образ не исчезает.

Исследование Уильяма Айвинса «Рационализация взгляда» показывает, что перспектива рождается не только как новый способ художественного выражения, но и в качестве «практического средства обеспечения строгой двусторонней, или взаимной, метрической связи между формами объектов, определенно расположенных в пространстве, и их живописными изображениями» [Ivins 1938, 8]. Из этого Б. Латур делает вывод о том, что перспектива – некий беспрецедентно новый способ записи, позволяющий перемещать знание или аргументы на расстоянии (в случае изображений в атласах, добавим от себя, перемещаются они и во времени) без каких-либо изменений [Латур 2017]. Нужно лишь обладать некоторым умением обходиться с изображением. Неизменно не только знание, представленное в графическом виде, но и адресат этого знания, то есть конкретная самость, знающая и умеющая обращаться с изображением, перформативно соответствующая ему.

В «Объективности» авторы выделяют такие эпистемологические добродетели, как истина по-природе, механическая объективность, структурная объективность и тренированное суждение. Базис различия, позволяющий отличить один режим от другого, заключается именно в способе изображать вещи и уметь работать с полученным изображением. Здесь важно отметить, что под «способом изображать вещи» подразумеваются не только стилистические особенности получаемого изображения, но и прочие обстоятельства: например, принимает ли кто-то, кроме ученых, участие в создании рисунка, и если да, то насколько сильно ученый контролирует «художников, печатников, граверов, резчиков по дереву» [Галисон, Дастон 2018, 259], с помощью каких устройств изготавливается изображение и т. д. Например, для истины по-природе было характерно создание идеализированных типов, реально не существующих в природе: «Линнеевская иллюстрация стремится к обобщенности, выходящей за пределы вида или даже рода, чтобы отобразить никогда не виданный образ» [Галисон, Дастон 2018, 113], а для практики изображения-как-презентации, можно сказать, современного

ния близости и расстояния, но он также демонстрирует необходимость визуальной избирательности как для игнорирования, так и для восприятия. Картина выражает как присутствие, так и стирание. Когда мы изучаем картину, анализируя то, что она показывает и что не показывает, как зрители мы вовлечены в проблему включения и исключения, которую предлагает работа» [Bleichmar 2012, 185].

способа визуализации, характерно то, что во время процедуры визуализации меняются сами наблюдаемые объекты: «Часто бывает невозможно изготавливать вещи, не отображая их визуально, – и довольно часто их невозможно репрезентовать, минуя процедуру изготовления. Атомно-силовой микроскоп и сканирующий туннельный микроскоп являются превосходными примерами данного усложнения: одно и то же устройство использовалось и для изображения, и для внесения изменения в объект» [Галисон, Дастон 2018, 113].

Обращая внимания на различные визуальные паттерны (например, идеализированное изображение, изображение с артефактами, изображение с почеркнутой асимметрией), Дастон и Галисон приходят к выводам о том, какие этические и даже онтологические воззрения характерны для того или иного эпистемологического режима. В этом отношении показательная следующая таблица, взятая из «Объективности»³.

Эпистемическая добродетель	Истина-по-природе	Механическая объективность	Тренированное суждение
Характер	Мудрец	Работник	Эксперт
Образ	Рациональный	Механический	Интерпретированный
Практика	Отбор, синтез	Автоматический перенос	Распознавание паттерна
Онтология	Универсалии	Партикулярии	Семейства

Вот, например, что авторы говорят о механической объективности: «Характерной чертой изобразительного объективизма был самонадзор – форма самоконтроля, одновременно этического и научного. В этот период ученые стали рассматривать механическую регистрацию как средство обуздания своего собственного искушения привносить в изобразительную репрезентацию системы, эстетические нормы, гипотезы, язык и даже антропоморфные элементы. [Галисон, Дастон 2018, 259]. То есть в механической объективности всеми силами устранилось то «Я», которое могло привнести в изображение собственную интерпретацию, а наличие каких-то артефактов (как признак нерукотворности) могло придать изображению бóльшую ценность, можно сказать, что артефакт был своего рода латуровским актором, работающим в пользу ученого.

Нам успешно демонстрируют, что определенный тип образа соответствует конкретным контингентно-историческим сплетениям

³ Таблица приведена в «Объективности» без какого-либо названия [Галисон, Дастон 2018, 527].

представлений. Более того, можно обнаружить отношение к визуальному в любой такой локальной контингентности, таким образом выделив некоторый научный этос, самость. Из этого можно прийти к выводу, что научные образы позволяют говорить о науке как о дисциплине, находящейся в становлении. «Если наука преподносится общественности как совокупность утверждений, о которых говорится, что они абсолютно верны, а потом мы видим, как разные утверждения опровергаются одно за другим, это приводит в отчаяние – кажется, что ученые не понимают, о чем говорят (как иногда происходит в науках о еде, где в один год говорится, что нужно придерживаться низкоуглеводной диеты, а в другой – что противоположной). В итоге люди считают, что ученые не знают, о чем говорят, потому что они делают какие-то заявления, а потом отказываются от них» [Плешков, Сурман 2021]. То есть выход на публичный уровень всякого рода «сырых» и «побочных» эффектов науки позволяет развеять романтический миф о том, что наука может представлять исключительно лишь верный порядок пропозиций. А из этого проистекает возможность того, что доверие к науке возрастет. В анекдотичном, можно сказать, введении к работе позднего Б. Латура «Исследование модусов существования» как раз-таки рассматривается проблема доверия к институциям. Описывая случай спора климатолога с французскими промышленниками, Латур обращает внимание на то, что, отвечая на удивительно вызывающий вопрос промышленника: «Почему мы должны верить вам (*ученым*) больше, чем остальным?», – ученый апеллирует к доверию: «Если люди не доверяют институту науки, то мы (*люди*) в серьезной беде». «В наше время кажется, что тыканье пальцем в институты может сработать как оружие для их критики, но уж точно не как инструмент для восстановления доверия к установленным истинам. И все же именно так профессор решил защищаться от этих скептически настроенных промышленников» [Latour 2012, 4]. Согласно Латуру, проблема заключается не в том, что апеллировать к доверию глупо, но в том, что долгое время научная жизнь во всей ее сложности никак не выходила за стены институции и тем самым не предоставляла поводов для доверия «извне». «Я принадлежу к той области науки, которая упорно работает над тем, чтобы придать позитивное значение термину “научное учреждение”. В начале своего существования, в 1980-х годах, эта область воспринималась многими учеными как критика научной определенности, которой она была, но также и достоверного знания, которым она, безусловно, не являлась. Мы хотели понять, как – с помощью каких инструментов, какой техники,

каких материальных, исторических, антропологических условий – можно добиться объективности. И, конечно, не апеллируя к какой-либо трансцендентной определенности, которая бы сразу и без обсуждения возвысила Науку с большой буквы “Н” над обществом» [Latour 2012, 5].

На наш взгляд, то, что мы выше назвали «имплицитной задачей» «Объективности» как раз-таки и заключается в том, чтобы, обращаясь к материальному наследию науки, выраженному в данном случае в научных образах, произвести в том числе и некоторую дипломатическую работу. Обнаружение таких эпистемических добродетелей, как истина-по-природе, механическая объективность, тренированное суждение на стыке разнообразных практик, в том числе визуальных, подчеркнутость того, что эпистемические конструкции – сложное переплетение разного рода взаимодействий и союзов (ученых и художников, инструментов, предписаний), позволяет помыслить науку в качестве дисциплины, которая формируется здесь и сейчас, убедить, что это история с открытым финалом. Здесь представляется важным отметить, что одной из особых черт «Объективности» является то, что авторы пытаются создать такую историю, «которая не является ни микроситуационистской, ни макроэкстерналистской» [Galison, Daston 2008, 672]. То есть этот проект не использует внешние факторы для объяснения науки, а, скорее, предлагает отодвинуть дисциплинарные границы, выдвинуть на сцену объекты, которые раньше предпочитали оставлять за кулисами.

Таким образом, мы хотели показать, что «Объективность» – проект, который, совмещая ряд современных тенденций понимания визуального, предлагает не только совершенно иначе взглянуть на то, из каких компонентов может состоять производство научного знания, но и в том числе – как можно успешно производить знание о производстве знания. Обращаясь непосредственно к научным артефактам, рассматривая конкретные практики, авторы не создают объяснений, которые могли бы навредить институции; расслаивание и увеличение списка действующих лиц, прослеживание междисциплинарных взаимодействий – нечто вроде способа привлечь дополнительный интерес к науке, а не разрушить ее [Столярова 2009]. В последнее время многие исследования предпочитают не проводить четких демаркаций между разными культурными образованиями. Например, «Iconoclasm beyond the image wars in science, religion and art» [Latour, Weibel 2002], где в одном пространстве выставлены совершенно, казалось бы, не компилируемые

объекты; или уже упомянутое выше «Исследование модусов существования», в котором Латур учтиво предупреждает нас: «Читатель должен вспомнить, что мир, в который собираются проникнуть модернисты, теперь просторен, полон складок и нищ, или, точнее, что мы пытаемся очистить его от всех неоправданных наполнителей – природы, общества, языка, которые мешали придать различным модусам существования должный вес бытия» [Latour 2012, 241]. Кажется, что и «Объективность» – исследование подобного настроения, в первую очередь обеспокоенное не вопросами структурного объяснения науки, а ставящее перед собой задачу дать новый набор оптик для ее исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вархотов 2018 – *Вархотов Т. А.* Объективность «Объективности»: историографическая модель Л. Дастон и П. Галисона и эпистемологическая история науки // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Т. 4 (70). № 3. С. 3–13.
- Галисон, Дастон 2018 – *Дастон Л., Галисон П.* Объективность / пер. с англ. Т. Вархотова, С. Гавриленко, А. Писарева. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- Латур 2013 – *Латур Б.* Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2013.
- Латур 2017 – *Латур Б.* Визуализация и познание: изображая вещи вместе // Логос. 2017. Т. 27. № 2. С. 95–156.
- Плешков, Сурман 2021 – *Плешков А., Сурман Я.* За границами Объективности: исследовательские практики, эпистемические добродетели и личность ученого (беседа с Л. Дастон и П. Галисоном) // Новое литературное обозрение. 2021. № 1 (167). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/167_nlo_1_2021/article/23168/ (дата обращения: 15.07.2021).
- Рорти 1997 – *Рорти Р.* Релятивизм: найденное и сделанное // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст. М.: Традиция, 1997. С. 11–44.
- Столярова 2009 – *Столярова О. Е.* L. Daston, P. Galison. Objectivity. Л. Дастон, П. Галисон. Объективность // Вопросы философии. 2009. № 12. С. 164–168.

- Хакинг 1998 – *Хакинг Я.* Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук. М.: Логос, 1998.
- Bleichmar 2012 – *Bleichmar D.* Visible Empire: botanical expeditions and visual culture in the Hispanic Enlightenment. Chicago: The University of Chicago Press, 2012.
- Galison 1997 – *Galison P.* Image and logic: a material culture of microphysics. Chicago: The University of Chicago Press, 1997.
- Galison 2014 – *Galison P.* Visualizaton in the Age of Computerization. New York: Routledge, 2014.
- Galison, Daston 1992 – *Galison P., Daston L.* The Image of Objectivity // Representations. 1992. № 40. Special is.: Seeing Science. P. 81–128.
- Galison, Daston 2008 – *Galison P., Daston L.* Book Reviews Forum: Response. «Objectivity» and Its Critics // Victorian Studies. 2008. Vol. 50 (4). P. 666–677.
- Ivins 1938 – *Ivins W.* On the rationalization of sight with an examination of three renaissance texts on perspective. New York: The metropolitan museum of art, 1938.
- Latour 2012 – *Latour B.* Enquête sur les modes d’existence. Une anthropologie des Modernes. Paris: la Découverte, 2012.
- Latour, Weibel 2002 – *Latour B., Weibel P.* Iconoclash. Beyond the Image Wars in Science, Religion, and Art. Karlsruhe: Center for Art and Media; Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology, 2002.

Материал поступил в редакцию 16.07.2021

Материал поступил в редакцию после рецензирования 12.09.2021